

Юбилейные итоги конституционного правосудия в России

(по страницам монографии Н. С. Бондаря
«Судебный конституционализм в России
в свете конституционного правосудия»)¹

Витрук Николай Васильевич

заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Научная юридическая общественность с интересом восприняла новую монографию судьи Конституционного Суда Российской Федерации, профессора Н. С. Бондаря, посвященную проблемам конституционализма и конституционного правосудия.

В фундаментальном по охвату тематики, выводам и значению научном труде автор углубляет и развивает теорию судебного конституционализма и конституционного правосудия, пытается поставить и в определенной степени решить новые проблемные вопросы. Подкупает скрупулезный анализ решений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, умелое использование их в качестве аргументации выдвигаемых им теоретических положений. Н. С. Бондарь прибегает к исследованиям других авторов, но, как правило, если они *ституционализма* как самостоятельного правового явления (и категории). Н. С. Бондарь трижды возвращается к определению судебного конституционализма как «политико-правового режима судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции (прямого действия «живой» Конституции. — Я. В.), безусловного

«работают» на его теоретические концепции.

Исходной в исследовании Н. С. Бондаря является категория *конституционализма*, понимаемая как единство конституционной теории, конституции как особого, учредительного нормативного правового акта высшей юридической силы, конституционной практики (реализации конституции), конституционного мировоззрения (с. 64-65). Данный перечень составляющих элементов конституционализма как социально-правового явления можно расширить, включив в него конституционный процесс, конституционно-правовую политику, конституционно-правовое сознание, конституционно-правовую культуру и т. п. Указанные содержательные элементы конституционализма находятся между собой во взаимосвязи, взаимодействии и во взаимовлиянии, что дает основание для выявления закономерностей бытия и функционирования конституционализма в целом (к сожалению, этот вопрос оказался пробельным в монографии).

В монографии главное внимание уделено обоснованию *судебного кон-*

гарантирования конституционных ценностей, конституционализации (на наш взгляд, *конституциализации*. — Я. В.) законодательства и всей системы правопорядка в демократическом правовом государстве (с. 19-20, 113, 118). По существу в данных определениях содержательно раскрывается категория *конституционности* («конституционной

¹ Н.С. Бондарь. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия - М., Норма. 2011. - 544 с.

законности»), обеспечиваемая судами в их деятельности. К сожалению, Н. С. Бондарь проигнорировал *конституционность* как самостоятельное правовое явление и как научную категорию, уже нашедшие признание в отечественной науке конституционного права, в теории и практике конституционного правосудия. Конституционность как особый политико-правовой режим характеризуется наличием правовой конституции, ее последовательной реализацией, обеспечением, охраной и защитой.

В судебном конституционализме Н. С. Бондарь особую роль отводит Конституционному Суду Российской Федерации, выступающему в качестве подлинного органа судебной власти, высшего органа судебного конституционного контроля. Н. С. Бондарь оценивает *конституционное правосудие* в качестве решающего фактора формирования судебного конституционализма как качественно нового состояния конституционализма, генератора «живого» судебного конституционализма, атрибутивного признака, несущей конструкции конституционализма. По мнению Н. С. Бондаря, решения Конституционного Суда, являясь материализацией реального воплощения в жизнь требований верховенства и прямого действия Конституции, конституционных ценностей, служат нормативно-правовой основой конституционализма, источником развития современной конституционной доктрины, конституционной идеологии, творцом новой конституционной культуры, конституционного мировоззрения личности (с. 108, 117). При этом следует предупредить автора против увлечения темой, ибо в воздействии на все составляющие элементы конституционализма участвуют не только судебные органы, но и Президент Российской Федерации, представительные (законодательные) и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностные лица, физические и юридические лица, объединения граждан. Деятельности Конституционного Суда Российской Федерации должна быть

дана взвешенная оценка, в том числе его роли в развитии российского конституционализма, как без ее недооценки, так и без ее преувеличения.

Исходным моментом в характеристике российского конституционализма является *Конституция Российской Федерации*. Раскрытие ее сущности Н. С. Бондарь видит в юридическом закреплении согласованных интересов и воли всех социальных групп, наций и народностей, составляющих государственно-организованное общество (с. 40). Согласование, приведение к общему знаменателю интересов и воли различных групп общества происходит на основе объективно складывающегося соотношения социальных сил в обществе (*фактической конституции*), показателем которого и его результатом является достижение гражданского мира и согласия в обществе, социальная солидарность (с. 44-45). Автор углубляет сущностную характеристику Конституции с учетом дифференциации гражданского общества, признания различных потребностей и интересов отдельных социальных групп, противоречий между ними. Он рассматривает Конституцию Российской Федерации как юридическую (правовую) форму разрешения противоречий между многократно «латанной» Конституцией РСФСР и реальным вектором конституционного развития новой России, преодоления сопротивления прогрессивным преобразованиям в обществе, разрешения новых противоречий в условиях рыночной экономики и демократической правовой государственности с помощью новых конституционных средств (механизмов) (с. 44-53).

Конституция определяет предмет и содержание конституционного права. По мнению Н. С. Бондаря, конституционное право является отраслью «публично-частного права» (с. 240-243). В монографии много внимания уделяется сочетанию частных и публичных начал в отраслях российского права, в судебной практике, в деятельности Конституционного Суда. Не вызывает сомнений использование средств и механизмов публичного права в решении проблем частного права, равно как

средств и механизмов частного права при решении проблем в публичном праве. Однако такой подход не исключает деления российского права на публичное и частное. Являясь отраслью публичного права, конституционное право регулирует публичные и частные общественные отношения.

Н. С. Бондарь вслед за Л. В. Лазаревым рассматривает решения Конституционного Суда Российской Федерации как *нормативно-доктринальные акты*, последовательно отстаивает их в качестве особого (нового и самостоятельного. — Н. В.) источника конституционного права и иных отраслей российского права. В них содержатся конституционно-судебные нормоустановления, сочетающие в себе нормативность и доктринальное начало (с. 118-127). Н. С. Бондарь не обходит вниманием такой вид итогового решения Конституционного Суда, как *конституционное истолкование* проверяемых отраслевых законов, т. е. выявление их адекватного конституционно-правового смысла, в пределах которого законы и могут действовать в правоприменительной практике (с. 143-144). Безусловное исполнение решений Конституционного Суда и обязательность разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации автор рассматривает как важное требование судебного конституционализма (с. 149-164).

Как известно, практика и теория конституционного правосудия выявили в качестве нового и самостоятельного правового явления (и категории) *правовые позиции* Конституционного Суда Российской Федерации, которые рассматриваются Н. С. Бондарем как некие основополагающие, сквозные правовые идеи концептуального характера, определяемые единой предметно-целевой направленностью и едиными доктринально-конституционными началами, находящимися в логическом соподчинении с резолютивной частью итогового решения Конституционного Суда (с. 129). Правда, чуть ниже правовые позиции Конституционного Суда определяются шире — как «нормативно-доктринальные выводы, установки и

оценки по вопросам права в рамках решения Конституционного Суда, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела» (с. 133). Это определение страдает известной неопределенностью, эклектичностью, соединением различных аспектов бытия и действия правовых позиций. В этом случае автору следовало бы показать отличие правовых позиций как «нормативно-доктринальных выводов» от «нормативно-доктринальных выводов», являющихся итоговым решением Конституционного Суда. «Оценки по вопросам права» уже заключены в доктринальной части «выводов», а «установки» свидетельствуют о последствиях действия правовых позиций Конституционного Суда. Н. С. Бондарь правильно отмечает, что правовые позиции Конституционного Суда носят общий характер в том плане, что они распространяются не только на те конкретные случаи, которые были предметом рассмотрения в Конституционном Суде, но и на все аналогичные случаи, имеющие место в правовой практике. Правовые позиции являются юридически обязательными, имеют такую же юридическую силу, как и сами решения Конституционного Суда (с. 130,132).

Значительное внимание Н. С. Бондарь уделяет *конституционным ценностям*, роли Конституционного Суда в утверждении конституционных ценностей в реальной жизни. По мнению автора, конституционные ценности есть категория действующего права, формой их правового бытия выступают «общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и т. п.» (с. 169). В действительности конституционные-нормативных установлений с содержательной стороны опосредуют (выражают) конституционные ценности. Более точно мнение Н. С. Бондаря о том, что признание конституционных ценностей и их значение коренится в глубинном содержании и системно-систематических взаимосвязях нормативных положений Конституции

(с. 167). Иными словами, конституционные ценности, *во-первых*, имеют эксплицитное выражение, получают прямое закрепление в Конституции России (например, в главе 1 «Основы конституционного строя»), *во-вторых*, они находят и имплицитное выражение в качестве результата конституционно-оценочной деятельности органов судебного конституционного контроля (с. 167-168).

При анализе конституционных ценностей в свете деятельности Конституционного Суда Н. С. Бондарь различает общедемократические, универсальные конституционные ценности как достояние современной человеческой цивилизации (свобода и права человека, социальная справедливость и равенство всех перед законом, демократическое правовое социальное светское государство, разделение властей, политический, идеологический и экономический плюрализм, безопасность личности, общества и государства) (с. 182). Естественно, данный перечень универсальных конституционных ценностей не является закрытым. Каждая эпоха рождает новые ценности, которые со временем приобретают конституционное значение и закрепление.

Практика Конституционного Суда рассмотрена в книге в условиях современной модернизации, осуществления воевой реформы, в гарантировании абсолютного права на судебную защиту и иных процессуальных прав личности в судопроизводстве (с. 431-456).

В монографии анализируются отношения собственности, власти и свободы как сферы модернизации в свете практики Конституционного Суда, раскрываются их единство и противоречия (с. 336-372, 458-533). В контексте поиска баланса частных и публичных интересов показана роль Конституционного Суда в развитии институтов гражданского общества, демократии, в формировании многопартийности (с. 372-431). Правда, в целом остается впечатление фрагментарности отдельных сюжетов, их дублирования и повторов.

Сочетая качества вдумчивого ученого и действующего конституционного

инновационных преобразований на базе действующей Конституции России с учетом максимального использования ее внутреннего потенциала (с. 295). Важной сферой модернизации является сама российская государственность. По мнению Н. С. Бондаря, Конституционный Суд в качестве «негативного» законодателя и в положении «квазиправотворческого» органа в рамках установленных конституционных процедур осуществляет функцию по разработке и модификации как конституционно-правовой доктрины, так и самой практики модернизации российской государственности (с. 304). Модернизация государственности есть ее конституционализация, что означает, *во-первых*, создание рациональной организационно-правовой основы публичной власти в соответствии с требованиями разделения властей, федерализма и местного самоуправления (*институциональный подход*) и, *во-вторых*, выполнение публичной властью «общих дел», её социализация, формирование подлинной рыночной экономики, обеспечение единства и баланса ценностей собственности, власти и свободы (*функциональный подход*) (с. 306). Специальный раздел посвящен роли Конституционного Суда в обеспечении самостоятельности и независимости судебной власти, в осуществлении судебно-пра-

судьи, Н. С. Бондарь пытается проплыть между Сциллой и Харибдой (излюбленный художественный сюжет автора). Как ученый он различает мнимый (декларативный, конъюнктурно-политический) и реальный конституционализм, но как действующий конституционный судья использует лишь позитивные аспекты решений Конституционного Суда, не решаясь видеть в них недостатки и даже ошибки. Так, Конституционный Суд, признавая необходимость обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, оставлял в неведении заявителей и общество в целом, каким же образом и какими средствами следует обеспечивать такой баланс и какой ценности отдать предпочтение. Особой сдержанностью отличался Конституционный Суд при проверке конституционности

законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих социальные права граждан, устанавливающих так называемую монетизацию льгот, провозглашающих равенство и равноправие граждан перед законом и судом, со ссылкой на экономические возможности государства, на невозможность использования им принципа целесообразности, хотя абсолютно ясно, что невозможность обеспечения минимальных неотъемлемых потребностей человека (например, в случае установления пенсии ниже прожиточного минимума) противоречит конституционным императивам о достоинстве личности, о социальной природе российского государства, о человеке, его правах и свободах как высшей ценности и т. п. (ст. 2, 7, 19, 21 Конституции).

В монографии содержатся попытки поставить новые проблемы, связанные с активно-творческим, «преобразующим» влиянием Конституционного Суда на отдельные составляющие конституционализма. «Преобразующая» функция, по мнению Н. С. Бондаря, находит конкретное воплощение в рекомендациях Конституционного Суда при разрешении конкретных дел для законодателя (с. 145-148), в восполнении пробелов в правовом регулировании и в совершенствовании отраслевого (текущего) законодательства, в обогащении содержания фундаментальных принципов демократии, республиканизма, федерализма, в формулировании и обосновании новых (специальных) правовых (конституционных) принципов (правовой определенности, соразмерности (пропорциональности) в ограничении прав и свобод человека и гражданина, правовой безопасности, баланса частных и публичных интересов, добросовестности правореализации и недопустимости злоупотребления правом). Принцип *справедливости*, отнесенный Н. С. Бондарем к специальным принципам, по сути, является *фундаментальным*, определяющим как иные универсальные, так и специальные правовые принципы (с. 247-258). В монографии содержится попытка постановки вопроса о преодолении Конституционным Судом конституционных пробелов и коллизий,

конституционных деформаций (с. 280-293) (в литературе существует мнение об отсутствии такого рода явлений).

Монография Н. С. Бондаря претендует и на решение ряда философско-методологических, мировоззренческих проблем. Не со всеми выдвинутыми при этом положениями можно согласиться. В силу своей дискуссионности они нуждаются в дополнительном обосновании.

Н. С. Бондарь исходит из идеи различия права и закона, известной еще с античных времен, из признания естественного права, верховенства права; много внимания уделяет сочетанию естественно-правового и позитивистского подходов (с. 172-179). Автор оперирует понятиями «общеправовых принципов, правовых принципов», «духа Конституции», «духа закона», не уточняя всякий раз, являются ли они явлениями «естественного права» или позитивного права. Выявить понимание права, его верховенства перед законом (конституцией), раскрыть содержание естественного права, если не сводить его только к признанию прирожденных, неотъемлемых прав человека, возможно лишь при *материалистическом подходе*. Требования «естественного права» на каждом витке истории человечества определяются достигнутым уровнем общественного прогресса, системой развивающихся общественных отношений. Организационно-правовым инструментом согласования, сочетания естественно-правового и позитивистского подходов выступает не только Конституционный Суд, как считает Н. С. Бондарь (с. 177, 179), но прежде всего сам законодатель, создавая правовой закон (правовую конституцию), а допущенные при этом *ошибки* законодателя исправляет Конституционный Суд. «Верховенство права, — по мнению автора, — реализуется как подчинение законодателя идее права и основанное на этом верховенство „живой“ Конституции» (с. 13). В этом утверждении верховенство правовой Конституции подменяется верховенством «живой» Конституции, с чем нельзя согласиться (см. об этом ниже).

Н. С. Бондарь является активным сторонником «преобразующей» роли

Конституционного Суда Российской Федерации по отношению к Конституции Российской Федерации, к конкретным её нормам (с. 219), рассматривает толкование Конституции Конституционным Судом как «наиболее эффективную форму ее преобразования без изменения текста» (с. 225), утверждает о «постепенном преобразовании Конституции под влиянием общественного развития» (там же) и т. д. Трудно согласиться с автором в том, что «Конституционный Суд, толкуя Конституцию, осуществляет по сути правотворческую функцию: принимаемые им решения о толковании конституционных норм становятся по существу частью Конституции...» (с. 226). Авторы подобных утверждений возлагают слишком большую ответственность на Конституционный Суд, на его 19 судей: ведь Конституция Российской Федерации принималась всенародным голосованием, а ее изменения происходят в предусмотренном Конституцией порядке, в котором участвуют Государственная Дума, Совет Федерации, Президент Российской Федерации, субъекты Российской Федерации, и этот процесс является весьма сложным. Идею о возможности «преобразования» Конституции без изменения ее текста разделяют ряд судей Конституционного Суда и ученых-конституционалистов (С. А. Авакьян, Е. С. Аничкин, В. В. Киреев, М. А. Митюков, В. В. Невинский и др.) В данном случае *познавательная-оценочная функция* Конституционного Суда Российской Федерации как хранителя Конституции Российской Федерации, *функция понимания и выявления* конституционно-правового смысла объектов конституционного контроля подменяется «преобразующей» функцией Конституционного Суда, что ведет к возможным негативным последствиям (ведь возможны различные направления «исправления», «преобразования», создания «живой» Конституции).

В монографии в целом правильно поставлен вопрос о влиянии на деятельность Конституционного Суда Российской Федерации фактора европейской и международной правовой глобализации в осуществлении судебного конституционализма (с. 179-186). Заслужо

Н. С. Бондаря является постоянное его внимание к проблеме *конкуренции конституционных ценностей* в свете практики Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда (с. 184-186), объективная оценка влияния и степени обязательности решений и правовых позиций Европейского Суда по правам человека для Российской Федерации как государства-участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, а также для Конституционного Суда и иных национальных органов судебной власти (с. 186-218). Однако не со всеми положениями в данном контексте можно согласиться, в частности, по вопросу о соотношении решений Европейского Суда по правам человека и норм Конституции России в свете положений, закрепленных в ч. 4 ст. 15 Конституции. По мнению Н. С. Бондаря, «если более высокий уровень обеспечения прав и свобод человека и гражданина вытекает из правовой позиции Европейского Суда по правам человека, то она имеет приоритетное значение перед конституционными нормами» (с. 197). Такой вывод является слишком категоричным, он не подтвержден практикой Конституционного Суда. Конституция Российской Федерации обладает абсолютным приоритетом, в том числе перед общепризнанными принципами и нормами международного права, признанными Российской Федерацией, и правовыми позициями Европейского Суда по правам человека. В лучшем случае те и другие приравниваются по юридической силе к установлениям Конституции.

Практически значимым является вопрос о пересмотре конкретного дела заявителя в случае признания Российской Федерации Европейским Судом по правам человека нарушителем Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Исходя из практики Конституционного Суда, автор полагает, что лицо, по жалобе которого вынесено постановление Европейского Суда по правам человека, во всяком случае должно иметь возможность обратиться в компетентный суд с заявлением о пересмотре вынесенных по его делу судебных постановлений и быть уве-

ренным, что его заявление будет рассмотрено (с. 212). Для этого национальный законодатель должен установить соответствующий процессуальный порядок пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам, одним из которых и является решение Европейского Суда по правам человек. Согласно общеправовому принципу, судебная ошибка всегда должна быть исправлена. Этот вопрос актуален и для практики Конституционного Суда.

В монографии Н. С. Бондаря по новому рассматривается проблема соотношения *права (конституционности)* и *целесообразности* в деятельности Конституционного Суда. В ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. сказано, что Конституционный Суд «решает исключительно вопросы права». Эта формула до сих пор в полном объеме не осмыслена, в том числе с позиций возможности использования Конституционным Судом наряду с принципом права (конституционности) принципа *целесообразности*. Конституционный Суд постоянно декларирует, что он не подменяет законодателя, не использует принцип целесообразности (такого рода примеры приведены в монографии). В то же время отдельные решения Конституционного Суда свидетельствуют о том, что Конституционный Суд не только учитывает целесообразность принятия законодателем проверяемого закона, но и применяет принцип целесообразности при вынесении решения по конкретному делу.

Н. С. Бондарь рассматривает Конституционный Суд в качестве активного «преобразователя» системы российского конституционализма «в соответствии с объективными процессами развития общества и государства» (с. 220). По его мнению, конституционный нормоконтроль в принципе, по самой своей природе невозможен на основе лишь формально-юридических, исключительно нормативистских оценок. Конституционный Суд, как полагает Н. С. Бондарь, в своей практике исходит из необходимости учета социокультурных особенностей национального развития как одного из принципов интерпретации конститу-

ционных положений, выступающего одновременно и критерием для оценки конституционности проверяемых нормативных правовых актов (с. 221-222). «Конституционный Суд, — пишет автор, — обеспечивает последовательную гармонизацию буквы и духа Конституции, приведение ее формально-юридического нормативного содержания — независимо от времени и политических условий ее принятия — в соответствие с реальными отношениями политического властвования, социальной и экономической организацией общества и государства» (с. 224-225). Настораживает суждение автора о проверке конституционности закона в соответствии с «реальными отношениями политического властвования».

В последние годы, когда Конституционному Суду приходится уточнять, развивать и изменять свои правовые позиции, он все чаще стал вводить в обоснование своих решений такие аргументы, как «национально-исторический контекст», «социокультурные особенности», «выявление смысла тех или иных конституционных норм, их буквы и духа адекватно конкретным социально-правовым условиям их реализации, включая изменения в системе правового регулирования» (см. постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П). Примеров такого рода «целесообразных по сути решений» немного, но они есть.

Выдерживая сдержанную позицию при разрешении дел в сфере социальной защиты населения, Конституционный Суд, несомненно, учитывает возможные финансовые затраты государства (с. 363), устанавливая отсрочку исполнения собственных решений, как правило, по делам, связанным опять-таки с финансовыми расходами государства (с. 161). Конституционный Суд согласился с запретом федеральной власти на создание региональных (местных) политических партий, обосновав это тем, что в современных условиях, когда российское общество еще не приобрело прочного опыта демократического существования, имеют место серьезные вызовы со стороны сепаратистских, националистических, террористических

сил, создание региональных политических партий (поскольку они стремились бы к отстаиванию своих, сугубо региональных и местных интересов) могло бы привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России (с. 222-223, 418-421).

Концепция «преобразования» Конституции Российской Федерации без изменения ее текста — принципиально новый, «революционный» подход к осуществлению судебного конституционного контроля, противоречащий самой природе судебного конституционного контроля, требованиям ст. 125 Конституции, ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Конечно, Конституция действует не в безвоздушном пространстве, но учет факторов реальной действительности должен быть подчинен принципу права и конституционности.

Преждевременным является утверждение Н. С. Бондаря о сближении англосаксонской и европейской правовых систем, о проникновении, внедрении *прецедентных начал* (прецедентного права) в российскую судебную практику (с. 17-18, 96, 185-186, 245-246, 301). В монографии нет достаточной ясности, что автор понимает под «прецедентом» и «прецедентными началами». Обычно под прецедентом понимают решение суда как новый образец разрешения необычной правовой ситуации. Н. С. Бондарь считает прецедентом решение суда, обладающее качеством обязательности. Прецедент даже в англосаксонской правовой системе обладает авторитетом в силу своей аргументации и для других судов не всегда является обязательным. Российская правовая система зиждется на нормативно-правовой основе — на Конституции, законах и иных нормативных правовых актах, а обобщение судебной практики высшими судебными инстанциями, имеющее цель установления единообразной практики нижестоящих судов, является технико-оперативным способом выбора нижестоящими судами законного и

обоснованного решения. Определяющим же критерием в принятии судом решения были и остаются Конституция Российской Федерации и законы (ст. 120 Конституции). Предусмотрев в п. 5.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2008 г. № 14 пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта, оспариваемого заявителем в порядке надзора и основанного на положениях законодательства, практика применения которых после принятия оспариваемого судебного акта определена Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в том числе принятом по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, Пленум Высшего Арбитражного Суда присвоил себе функцию законодателя вопреки требованиям Конституции и федерального закона. К сожалению, Конституционный Суд согласился с такой позицией Пленума Высшего Арбитражного Суда². По мнению же Н. С. Бондаря, указанное решение Конституционного Суда «безусловно придает новый и весьма существенный импульс движению российской правовой системы в сторону развития и усиления в ней прецедентных начал» (с. 246). Такого рода утверждения ослабляют действие конституционного принципа самостоятельности и независимости судей и судов, хотя не исключена возможность судебного восполнения пробелов в правовом регулировании.

Контактная информация:

vitruknv@rambler.ru.

Ключевые слова: конституционализм; судебный конституционализм; конституционное правосудие; Конституционный Суд Российской Федерации; конституция; реализация конституции; конституционное

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П и особое мнение судьи Конституционного Суда Г.А. Жилина // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2010. - № 2

право; конституциализация; конституционные ценности; конституционная практика; конституционно-правовое мировоззрение; конституционная культура.

В статье-рецензии дается позитивная оценка монографии Н. С. Бондаря, в которой представлены достижения теории и практики конституционного правосудия в Российской Федерации. Рассмотрены

дискуссионные проблемные вопросы о соотношении естественного и позитивного права, о «преобразующей» функции конституционного правосудия, о сочетании принципов права и целесообразности, о прецедентных началах в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.